

ТЕЛЕВИЗИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

Мерья Пиккарайнен
ассистент, Хельсинкский университет

Телевизионные программы являются важной частью ежедневной жизни почти каждого человека. Люди смотрят телевидение, чтобы либо отдохнуть, либо получить какую-нибудь новую и нужную им информацию. Всякие комедийные и драматические телесериалы являются в большей степени развлекательными, а новости и документальные передачи – информационными. Телевизионные интервью и разговоры могут являться промежуточной формой этих типов телевизионных программ [Nuolijärvi & Tiittula 2000: 80], инфотейнментом. О значении телевизионных интервью пишут, например, Нуолиярви и Тийттула ([там же: 12], см. также [Казакова 2006]); с их точки зрения, телеинтервью являются существенной частью современной разговорной культуры, и они имеют общественную релевантность, т.е. оказывают влияние на социум.

Как правило, официальное общение разделяется на три группы в российской теории коммуникации. Попова [2002: 3] определяет эти группы таким образом: во-первых, официально-деловое общение регулирует социальную жизнь, во-вторых, научное общение направляется на формулирование и передачу специальных знаний, в-третьих, публицистическое общение связано с передачей актуальной информации обо всех аспектах жизни человека в обществе. Последнему типу принадлежит особое место: «Именно публицистическая речь в ее газетно-журнальном, радио- и телевизионном выражении воспринимается большинством населения как эталонная, формирует его языковую картину мира, общую когнитивную базу, ценностные ориентации. [---] В ряду публицистических жанров интервью занимает в настоящее время ведущее место – как в газетно-журнальной публицистике, так и на радио и телевидении» [там же].

В настоящей работе особенности телевизионного общения рассматриваются с точки зрения институционального взаимодействия. Нас интересует в особенности то, как участники телевизионного разговора формулируют и строят свои телевизионные институциональные роли как совместную деятельность, как они показывают в течение интервью, что именно этот участник интервьюер, а этот – интервьюируемый. Если в интервью принимают участие и зрители в студии, тогда ситуация меняется на еще более сложную, но не менее интересную (см., например, [Kajanne 2001a, 2001b; Berg 2001, 2003]). Речь идет не о том, что нам было трудно определить, кто из участников играет какую роль. Черты, которые являются релевантными с точки зрения исследования, прежде всего показывают, насколько многообразно построение ролей и как много мелких деталей в нем содержится.

С помощью сотрудничества участники разговора создают интерпретацию ситуации. В этой работе термин «сотрудничество» употребляется как функциональное понятие в духе Грайса. Термин подчеркивает ориентацию на ситуацию и обсуждаемые собеседниками вещи. Хотя термин может вызывать ощущение того, что языковые средства очень ограничены, можно определить, что участники строят сотрудничество многими разными способами. Можно определить, когда ситуация оказывается знакомой: участники находятся в студии, и тележурналист представляет гостей и тему разговора. Потом начинается сотрудничество. Участники интерпретируют ситуацию и с помощью этой интерпретации строят и разговор, и свои телевизионно-институциональные роли. Обращает на себя внимание, если сотрудничество отсутствует, или у зрителя возникает такое ощущение, что его нет.

Важным понятием и основой для нашего методологического подхода является разговорный анализ, который подчеркивает организованный характер разговора и нормативные конструкции, на которые говорящие сами ориентируются. Нас интересует именно устная речь, которая является основной, фундаментальной и исходной формой человеческого языка. Как пишут Кибрик и Подлеская [2003: 5], «лингвисты часто делают утверждения о каких-то языковых фактах, основываясь на данных письменного языка, предполагая, что это утверждения о языке вообще. Это совершенно неоправданно: истинность любого такого утверждения должна непосредственно проверяться на устном материале. Так же неоправданно считать, что письменный язык имеет какой-то приоритет перед устным, что он является более 'ценным' объектом научного исследования».

Поскольку объектом нашего исследования являются телевизионные беседы, внимание обращается на один подкласс институционального взаимодействия, телевизионно-институциональное, имеющее свои особенности, которые не являются типичными ни для обыденного, ни для другого институционального взаимодействия. Понятно, что разные телевизионные беседы, а в особенности ток-шоу, популярны во многих странах, и поэтому краткий обзор истории ток-шоу-программ представляется нам уместным.

После теоретических определений будет представлен эмпирический материал и описан его характер. Мы интересуемся в первую очередь тем, какие языковые выражения и конструкции употребляют разные участники, чтобы показать, как они ориентируются на свои роли и на общую ситуацию. Если в материале отмечаются такие выражения и реплики, которые вызывают у собеседника ощущение, что другой участник общения злоупотребляет имеющимися у него в распоряжении средствами, то они тоже принимаются во внимание. Мы следим за тем, как участники решают проблемную ситуацию. Интересно и то, какими правами обладают участники, кто имеет право говорить, в каком месте, к кому и как обращаться. Эти факторы лежат в основе анализа материала исследования. Мы сосредоточиваемся на том, какие выражения являются достоянием одного из участников, и что позволено другим. Интересно также наблюдать, как заранее фиксированный план – agenda – виден в программе, хотя мы не имеем в своем распоряжении плана программы. Agenda находится в руках тележурналиста и таким образом является частью его роли. Если мы применим ко всему вышеупомянутому понятие «сотрудничество», то можно сказать, что оно как раз и подчеркивает совместную ориентацию собеседников на ситуацию.

Важно подчеркнуть, что работа по своему характеру дескриптивная, иными словами, мы не хотим утверждать, как правильно следует говорить по-русски. Об описательном характере исследования говорят также Каянне [Kajanne 2001b: 263] и Херитидж [Heritage 1996: 142]. Мы не будем исправлять грамматические ошибки или неправильные ударения в речи участников общения. О грамотности телевизионной речи говорит, в частности, Кривенко [1995: 67], обращая внимание на одну сторону орфоэпии – акцентологию. Конкретно речь идет об отклонениях от норм ударения. Кривенко [1995: 65] пишет, что «телевизионная речь, с помощью которой ежедневно осуществляется общение ведущих, обозревателей, корреспондентов, комментаторов, дикторов с миллионами телезрителей, – это специфическое проявление, реализация языковой действительности в сфере коммуникации. [...] С этой точки зрения роль слова, звучащего по телевидению, оказывается чрезвычайно важной в плане культуры речи в самом широком смысле этого понятия. Дело в том, что человек на экране не только сообщает определенную информацию, но и выполняет, если можно выразиться, 'внешнепедагогическую' функцию, т.е. является образцом владения литературной речью, демонстрирует нормы литературного языка, в

том числе и произношения». На наш взгляд, этот подход кажется слишком резким, выдвигающим чрезмерные требования.

В разговорном анализе подчеркивается организованный характер разговора. Продемонстрировано, что повседневное взаимодействие основывается на некоторых основных принципах организации коммуникации. Ими являются нормативные конструкции, к которым склонны сами говорящие. С помощью этих типов организации вербальной интеракции собеседники делают социальные ситуации понятными для каждого из участников. Чтобы собеседники могли действовать вместе организованным образом, им надо до какой-то степени имеется общее представление о том, что они сейчас делают, и о чем они говорят [Raevaara et al. 2001: 15].

Существуют три основных типа организации разговора [См., например, Hakulinen 1998a [1997]: 16, Raevaara et al. 2001: 15]:

1. организация смены ролей (organization of turn-taking, vuorottelujäsennys)
2. секвенциальная организация (sequential organization, sekvenssijäsennys)
3. организация исправления (organization of repair, korjausjäsennys)

Хакулинен [Hakulinen 1998a [1997]: 16] изображает разговор в очень сжатой форме таким образом, что он принимает форму секвенций на основе нормы смены ролей, на которые ориентируются участники разговора, а внутри смены ролей также заложена возможность исправления.

Конversationный анализ имеет целью выяснить, что достигается с помощью реплик. Как ищется понимание, как показывается, что принимаемое в разговоре от собеседника содержание является новым или знакомым, или же тема разговора оказывается щекотливой или трудной. Conversationный анализ подчеркивает не только организованный, но и кооперативный характер разговора и изучает механизм этого взаимодействия. Кооперация означает, что разговор не считается прямолинейно распределенным между говорящим и слушающим, а считается, что значения рождаются с помощью сотрудничества и переговоров.

Одной из исходных точек conversationного анализа является положение о том, что во взаимодействии все детали могут оказаться важными, ничего нельзя выбросить заранее из анализа как нерелевантное, случайное или не являющееся частью организации разговора [Heritage 1996: 236].

В любом (свободном) разговоре можно заметить, что говорящий меняется и все участники говорят по одному. Иногда бывает и так, что больше чем один человек говорит одновременно, но такие события остаются очень кратковременными. Напротив, желательно, чтобы реплики совершались без пауз и совпадений. Порядок распределения реплик или их величина не фиксированы, они меняются. Длина разговора предварительно не определена. Если во время реплики говорящего совершаются ошибки и создаются проблемы, их можно исправлять в течение разговора [Sacks et al. 1974: 700–701, Hakulinen 1998b [1997]: 35].

Реплики разделяются по известным принципам или правилам. Очень важным является принцип «нет провалов, нет наложений» (no gap, no overlap). В любом возможном месте смены говорящего задаются последующие варианты развития общения: предлагается выбор следующего говорящего; либо начинающий первым говорить продолжает общение; либо продолжает говорить тот, кто был ведущим ранее.

Дихотомия говорящий-слушатель можно казаться слишком простой, и поэтому было разработано понятие «фрейм участия» (participation framework, osallistumiskehikko), см., например, [Goffman 1981, Goodwin & Heritage 1990, Seppänen 1998 [1997]]. Это понятие разработано Гоффманом. Ситуация взаимодействия складывается из двух или нескольких участников, которые получают разнообразные дискурсивные идентичности. Эти идентичности образуют фрейм участия в разговоре.

По данной теории, говорящий может даже во время одной реплики высказываться с точки зрения разных ролей. Гоффман [Goffman 1981: 144–145, см. также Seppänen 1998 [1997]: 157–158] разделил виды выступлений на три категории. Говорящий может являться аниматором (выступающим, *animator, esittäjä*) и автором (деятелем, *author, tekijä*), который излагает собственные мысли, а если говорящий повторяет слова другого, он является только исполнителем речи, и тогда человек, слова которого он произносит, можно называться начальником (заказчиком, *principal, toimeksiantaja*).

Часто эти три категории совмещаются. Но если мы возьмем в качестве примера выступление диктора последних известий, который читает текст, написанный журналистом, в котором реферируются мнения политика, исполняемые ими при этом роли окажутся следующими: диктор последних новостей является аниматором, журналист – автором, а политик – начальником. Так что если говорящий только реферирует речь других, он является всего лишь аниматором [Seppänen 1998 [1997]: 158]. Вне зависимости от того, какова группа непосредственных участников разговора, фрейм самого участия варьируется на основе того, какая роль каждому выпадает. Эти изменения и другие изменения в выступлении Гоффман [Goffman 1981: 128] называл изменениями позы (*changes of footing, asennonvaihdos*).

Под термином «институциональное общение» понимается при конверсационном анализе речь, с помощью которой участники разговора решают особые институциональные задачи [Peräkylä 1998 [1997]: 177]. Институциональное взаимодействие¹ может совершаться либо лицом к лицу, либо по телефону. Оно может происходить в определенных физических местах, в частности, в больнице, в зале суда, или в образовательных учреждениях, но они не ограничиваются только этими условиями. Скорее всего, взаимодействие оказывается институциональным, если институциональные или профессиональные идентичности участников делаются релевантными по отношению к рабочим заданиям, к которым они относятся [Drew & Heritage 1992: 3–4]. Институциональность взаимодействия предстает в большей степени как функциональное, а не пространственное понятие [Kajanne 2001b: 27].

Цели данной работы таковы. Во-первых, рассматриваются общие черты телевизионно-институционального общения и сравниваются его особенности как с обыденным, так и другими видами институционального общения. Во-вторых, речь идет об основных условиях производства телевизионной речи, а именно, об актуальности, интертекстуальности и вторичной оральности (устном характере речи). В-третьих, внимание обращается на роли участников телевизионного разговора, какими они являются. В-четвертых, рассматривается, какую структуру имеет программа ток-шоу. Важную роль имеет и agenda телевизионного разговора, которая в наибольшей степени представляет собой инструмент тележурналиста.

Телевизионные разговоры отличаются от обыденных разговоров, по крайней мере, в отношении двух факторов. Во-первых, время передачи ограничено и предварительно фиксировано. Во-вторых, разговор адресован третьему лицу. Говорящий также имеет право на больше чем одну конструкционную единицу реплики.

Как подчеркивают Нуолиярви и Тийттула [Nuolijärvi & Tiittula 2000: 21], не нужно использовать обыденный разговор как образец при анализе взаимодействия телевизионного разговора и не нужно соотносить телевизионный разговор с

---

¹ Термины «общение» и «взаимодействие» употребляются как синонимы во избежание повторения. (ср. финскаяязычные переводы: **взаимодействие** *n* 1. vuorovaikutus, keskinäinen vaikutus; **общение** *n* kosketus, kanssakäyminen, yhteys, seurustelu, vuorovaikutus [VSS: 98, 723], и русскоязычные статьи толкового словаря: **ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**, -я; *ср.* 1. Взаимная связь явлений; воздействие различных предметов, явлений и т.п. друг на друга, обуславливающее их изменение. **ОБЩЕНИЕ**, -я; *ср.* Взаимные сношения, деловая или дружественная связь. [БТС: 124, 691].)

обыденным разговором, а надо стремиться к тому, чтобы речь, произнесенная на телевидении, описывалась в своих собственных пределах и в пределах той среды деятельности, которой эта речь как бы подчинена.

Интересно, что приватность и публичность (по-английски *publicity*) смешиваются на телевидении многими разными способами. Личность политических гостей и других участников занимает центральное место, частные и даже совсем интимные вещи могут быть преданы огласке, студия оформляется как гостиная. Интимность в медиа оказывается совсем другой, чем в повседневной жизни. Она становится вторично интимной, как и вся медиаречь. Интимность можно выражать с помощью особого языка, например, в его разговорном варианте, и формул обращения². В публичном разговоре также можно употреблять ласкательные имена или обращение на «ты», которые указывают на более близкое знакомство участников [Лаптева 1999 [1990]: 19].

При построении телевизионно-институциональных ролей участники могут либо открыто говорить о них, либо обозначать другими языковыми и неязыковыми средствами существование этих ролей. Например, интервьюер обычно задает вопросы, а интервьюируемый отвечает, обратная ситуация бывает очень редко. Обычно интервьюер и интервьюируемый расположены отдельно в разных местах в студии и т.п. Если мы сравним телевизионное общение с другими видами общения (обыденным и институциональным), то заметим, что взаимодействие, происходящее на телевидении, разыгрывается в совсем другой обстановке, чем взаимодействие, совершающееся в обыденном разговоре или в помещении официальных органов власти при закрытых дверях. Таким образом, телевизионная институциональность с самого начала иная, чем публичная дискуссия. Медиаразговоры отличаются от многих других институциональных разговоров тем, что их участники не стремятся к какому-то окончательному результату, например, к компромиссу, а самым важным оказывается демонстрация разговора сама по себе.

В обыденном разговоре после выражения некоторой точки зрения предпочтительным вариантом является подтверждение такой же точки зрения собеседником. Непредпочтительным вариантом является выражение разногласия. [Pomerantz 1984]. Грейтбэч [Greatbatch 1992], изучая британские телевизионные интервью, заметил, что там, где принимают участие интервьюируемые, высказывающие разные точки зрения, разногласие выражается непосредственно, прямо и без смягчения. По его мнению, разногласие произносится как ответ на вопрос интервьюера. Ответ адресован третьему лицу, которое согласно с отвечающим. Если разногласие выражается непосредственно после реплики другого интервьюируемого и прямо ему, а не интервьюеру, оно подчеркивается. Разногласие становится даже более сильным, если оно произносится внутри реплики другого. Сила разногласия объясняется тем, что, во-первых, прямое выражение разногласия сильнее, чем косвенное. Во-вторых, прямое выражение разногласия означает, что интервьюируемый отступает от роли институционального ответчика. Он произносит выражение в месте, где он не должен говорить, потому что это место занято интервьюером. Интервьюируемый допускает интервьюера как адресата своей речи, а интервьюер играет роль представителя институции [там же: 285]. С другой стороны, собеседники

---

² По Лариной [2006: 193], формулы обращения имеют свою национально-культурную специфику в каждом языке. Уместность их употребления играет важную роль в установлении контакта, демонстрации отношения к собеседнику и достижении взаимопонимания. Ларина выражает свою озабоченность снижением формальности как одной из современных тенденций в коммуникации; наиболее ярко эта тенденция проявляется в английской коммуникативной культуре (см. также [Лаптева 1999 [1990]: 11–12]).

избегают дебатов, потому что они не хотят угрожать лицу, и в телевизионном разговоре вообще нет места или времени для них [Nuolijärvi & Tiittula 2000: 344].

Другими способами выражения преференциальной организации могут служить, например, участие и ответы публики³. Тележурналист может охотиться за участием публики и за ее реакциями. Публика демонстрирует положительный контакт с говорящими с помощью аплодисментов, криков «ура», смеха, а отрицательный контакт – с помощью шиканий (неодобрительных восклицаний). Важно, что публика работает коллективно, слушатели шикают, аплодируют и кричат «ура» вместе. Конечно, аплодисменты широко распространены, и многие выражения связаны с аплодисментами, например, «публика громко аплодировала». Надо все-таки отметить, что нельзя аплодировать где угодно. Существуют некоторые специальные секвенциальные позиции. Подходящим местом является, например, представление гостя или такой пункт передачи, в котором одно действие заканчивается, а другое начинается [Atkinson: 1984: 370–379]. Как пишет Померанц [Pomerantz 1984], аплодисменты предпочтительны. Следующий пример взят из эмпирического материала. В нем зрители аплодируют в середине и после представления гостей.

- В/АБ: [Здравствуйте.=С вами программа На здоровье и ее ведущий Александр Белявский.] [---] Так что же такое здоровый образ жизни. (1) Поговорим об этом сегодня в нашей программе. (.xx) Я представляю вам наших гостей. Это (п) Никита Михалков,
- Зрители: [((аплодируют))]
- В/АБ: [и Юрий Антонов.]
- Зрители: [((аплодируют))]
- В/АБ: [И профессор президент фирмы Медицина-Ас, (п) Рамаз Пичхадзе].
- Зрители: [((аплодируют))]

В исследовании использовались в качестве материала фрагменты телевизионных программ, представленных на российском телевидении в 1990-х и 2000-х годах. В программах принимают участие разные люди, профессионалы (тележурналисты, специалисты, например, врач или психолог) и неспециалисты (интервьюируемые и представители публики). Ситуация в студии достаточно ясная, тележурналист либо ведет разговор о какой-то теме, либо берет интервью у гостя или гостей в рамках какой-то главной темы. Мы интересовались в особенности тем, как участники телевизионного общения формулируют и строят свои телевизионные институциональные роли в процессе совместной деятельности. Речь шла не о том, что нам было трудно определить, кто из участников играет какую роль. Черты, которые оказываются релевантными с точки зрения исследования, прежде всего показывают, насколько многообразно построение ролей и как много маленьких деталей в нем заключается.

В материале можно найти несколько примеров того, как приглашенные гости показывают, что они знают, почему именно их пригласили в студию, или знают, как

---

³ В этой работе названия «зритель», «телезритель», «публика» употребляются как синонимы во избежание повторения. (ср. финскоязычные переводы: **зритель** *m* katsoja, katselija; **телезритель** *m* television/katsoja, -katselija; **публика** *f* koll 1. yleisö [VSS: 368, 1344, 1078], и статьи русскоязычных толковых словарей: **ПУБЛИКА** / в театре, кино и т.п.: зрители [ССРЯ: 358], **ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ**, -я; м. Тот, кто смотрит телевизионные передачи. **ПУБЛИКА**, -и; ж. (от лат. publicus – общественный). *собир.* 1. Лица, находящиеся где-л. в качестве посетителей, зрителей, слушателей. [БТС: 1311, 1044].)

строится программа. С одной стороны, речь идет о том, что интервьюируемый ориентируется на норму (в телевизионной программе должны быть гости и их надо интервьюировать), но с другой стороны, эти комментарии – знаки опасности, вызванной неспециалистом, потому что они раскрывают, что существует предварительный план, агенда. Таким образом, разговор между участниками программы перестает казаться свободным и формирующимся в текущей ситуации.

Хороший пример подобного поведения наблюдается в программе «На здоровье», когда интервьюируемый Антонов показывает, что он знает о причинах, из-за которых его пригласили в студию: «Ну во-первых, я так я так понял что вы меня пригласили как какой-то контрטיפаж, по отношению к Михалкову.», но уже в этой реплике он показывает, что «Но дело в том дело в том что многие его позиции мне близки и поэтому, (.xx) контрטיפаж так бы как бы не получается.» Антонов раскрывает агенду, и его комментарий ставит под вопрос все значение программы, хотя мы во время интервью можем обнаружить, что контрטיפаж более или менее получается, и на это указывает и ведущий в предпоследней реплике.

В/АБ: =Да.=Юрий,=а я хотел [спросить,]=а что»

ЮА: [°Да.°]

В/АБ: »(п) такое для вас. Здоровый образ жизни.

ЮА: **Ну во-первых, я так я так понял что вы меня пригласили как какой-то контрטיפаж, по отношению к Михалкову.**=Но дело в том дело в том что многие его позиции мне близки и поэтому, (.xx) контрטיפаж так бы как бы не получается.=

Программа больше всего похожа на интервью, но не на скучную вопросно-ответную последовательность, а на интересную беседу, в которой есть место шутке. Михалкову удалось поймать участие зрителей. Михалков и ведущий вместе сформировали ситуацию, в которой зрителям было довольно легко принять участие в программе. В этот момент ситуация почти такая же. Ведущий шутливо комментирует предыдущую реплику Антонова, и Антонов отвечает на вопрос, смеясь, но этот смех не имеет успеха среди зрителей, и ведущий продолжает интервью без перерыва.

ЮА: =А во всем остальном я в общем согласен,=потому что а: м: Никита, э: очень спортивный человек, много лет мы знаем о том что он занимается спортом. [---] для меня огромным удовольствием явля- является моя работа.=Понимаете,=вот это вот и есть как раз тот спорт может быть, и (.xx) в то же время это э: творческая необходимость,=и в то же время это необходимость просто жизненная (п) физическая необходимость, (.xx) делать свое дело,=вот то дело которым я занимаюсь, оно отнимает у меня (п) очень много времени. Очень много времени, (.xx) остается только, немножко времени на то чтобы уделить его (.xx) нашему слабому полу, но к большому сожалению, не так много, этого [времени.]

В/АБ: **[Но вы] не расстраивайте [наших гостей пожалуйста.]**

ЮА: [°Да.\$ ((хехе)).]

ЮА: [Счастье,]

С помощью интервенций ведущий может возвращать разговор в нормальную колею. Например, здесь ведущий начинает свою реплику и только через несколько слов произносит «простите я перебиваю».

ЮА: [Счастье да нет,=вы знаете,]=я в- вам скажу честно.=Для меня счастье когда я заканчиваю работу. (.xx) Вот которую я делал.=Допустим,=написал песню. Вот ее сделал в студии, вот ты уже ее сделал так окончательно. (.xx) Ну,=
В/АБ: =Да.=**Но мы второй раз сегодня путаем, простите я перебиваю**, второй раз путаем счастье со здоровым образом жизни. (.xx) А здоровый образ жизни.=Для вас,=это поддаться соблазну,=

В этой программе заключением служит комментарий специалиста, который исполняется последним. Таким образом, специалисту предоставляется спокойная возможность высказаться. Продолжительность реплики специалиста всего 3 мин. 20 сек., что составляет более одной пятой части от времени программы.

В начале реплики Пичхадзе можно наблюдать интертекстуальность, когда он указывает на слова Михалкова («мне очень нравится выражение Никиты,=когда он говорит, правда, он говорит о репутации,»), которые Михалков произносил когда-то до программы. В реплике видно также построение проекции, разработанной специалистом. Он строит трехступенчатую проекцию. Он начинает проекцию выражением «Это три позиции. Первая позиция когда, человеческое я, находится в подчинении у своего организма.». Потом он произносит: «Тридцать пять процентов людей, предпочитают жить, э: (п) в каком-то сосуществовании, уважительном сосуществовании, со своим я.» И третья: «третья позиция когда, собственное я, практически узурпирует свой организм, и заставляет, служить его, своим целям, и своим идеям.». С помощью проекции специалист показывает, что он может держать слово в руках так долго, пока проекция не будет закончена.

В этой реплике также заметно, что специалист Пичхадзе оказывает предпочтение Михалкову и цитирует только его слова: «мне очень нравится выражение Никиты», и «Мне очень понравилось как Никита сказал». Интересно также заметить, что специалист имеет право обращаться к интервьюируемому, хотя между ними нет естественного взаимодействия. Таким образом, категория «специалист» формируется не только с помощью обеспеченной ему спокойной возможности говорить, но и правом обращаться к неспециалистам.

В/АБ: =Как мы видим все-таки, жизненные принципы Никиты Михалкова,=и Юрия Антонова несколько (п) отличаются. В отношении здорового образа жизни скажем так. (xx) **А что по этому поводу, думает, э Рамаз Семенович Пичхадзе.**=

РСП: =(xx) **Вы знаете,=э: мне очень нравится выражение Никиты,=когда он говорит, правда, он говорит о репутации,=что (.xx) человек пятьдесят процентов своей жизни,=работает на репутацию,=а потом репутация работает (.xx) на него. [---] Существо↑ют определенные отношения. Э: человеческого я, к своему организму. Это три позиции.=Первая позиция когда, человеческое я, находится в подчинении у своего организма. (.xx) Так живет шестьдесят процентов людей, которые предпочитают (.xx) условный комфорт, другому образу жизни. Тридцать пять процентов людей, предпочитают жить, э: (п) в**

каком-то сосуществовании, уважительном сосуществовании, со своим я. [---]Ну и, третья позиция когда, собственное я, практически узурпирует свой организм, и заставляет, служить его, своим целям, и своим идеям. Так живет пять процентов (п) популяции. И эти пять процентов популяции как раз и занимают, лидерские позиции. [---] **Мне очень понравилось как Никита сказал что э: все лучшие свои произведения,=он м: создал. Когда он занимался (.xx) активным (.xx) а- активными упражнениями,=в том числе (.xx) бегом. (.xx)** Это еще раз говорит о том что когда человек во время физического упражнения (.xx) он сосредоточивает свое внимание внутри себя, то он, практически отключается от внешнего мира. [---]

Зрители: ((аплодируют))

В этой программе было также довольно легко просматривать агенду, поскольку длительность программы коротка (около 14 минут) и все гости интервьюировались отдельно. Ведущий задавал вопросы, участники на них отвечали, и взаимодействия между участниками практически не было. Возможность для взаимодействия существовала, когда Антонов говорил о том, что он знает, почему его пригласили в студию. В тот момент Михалков имел возможность разговаривать с Антоновым, но он не делал этого. В этой программе участие принимали и зрители в студии, хотя они только аплодировали в правильном месте.

Реплики неспециалиста опасны: обычно интервьюируемые, например, словесно показывают, что они знают, почему их пригласили в студию. Или если они слишком долго и многословно говорят о вещах, или их мысли блуждают. Вообще, речь идет о том, что гость, приглашенный в студию, не знает, как вести в себя, поскольку ситуация может быть единственной в его жизни. Для тележурналиста и обычно для специалистов такая ситуация знакома. Особые черты обыденного разговора совсем не подходят к телевизионной программе, или так считают тележурналисты. В частности, в обыденном разговоре размер реплик не зафиксирован заранее. На телевидении ведущему надо иногда перебивать гостя, если он слишком много болтает.

«Многословие» подразумевает, что интервьюируемый не дает прямо ожидаемого ответа или говорит о вещах чересчур подробно. Если речь идет о том, что интервьюируемый слишком многословно говорит о вещах, то как найти выход из ситуации? Какие возможности имеются в распоряжении ведущего? Он может либо дать немного времени гостю, чтобы самому собраться, либо прямо перебить гостя. Как можно предполагать, прямое прерывание – это невежливый вариант, но иногда ведущие совершают и такие акты.

Пример многословия взят из программы «Времечко», где Себенцова очень подробно описывает три вопроса («идет три сакраментальных вопроса»), которые задают, когда люди узнают, что ее семья такая интересная. Она произносит первый вопрос быстро после обещания назвать «три сакраментальных вопроса». Второй вопрос становится длинной репликой, внутри которой появляется и третий вопрос. Ведущий не понимает, что она назвала уже три, и напоминает три раза о третьем вопросе, а она не решается признать, что он не настолько внимателен: «вам задают три вопроса [---] А третий какой.», «Что все люди; которые вас встречают, они задают вам три вопроса. А третий.» и «Да это мы. Да первый. Да. А третий вопрос как.» Ведущий почти твердит одно и то же. Этот момент предстает как очень сложный.

Если мы сопоставим результаты этого исследования с теориями конверсационно-аналитического подхода к изучению устной речи, то можно будет отметить, что теории функционируют весьма эффективно. До проведения анализа у нас имелось несколько предварительных категорий, вызвавших наш интерес (чаще всего они касались секвенциальной и преференциальной организации общения), но явления, которые казались интересными и прежде всего типичными для этих разговоров, мы определили на основе самого материала, а не предварительно без какого бы то ни было внимания к нему. В каком-то отношении эти явления были противоположными по сравнению с исследованиями, проводившимися до сих пор, в частности, в Финляндии или США. Мы определили категорию «неспециалист» по-другому, чем в предыдущих исследованиях, поскольку мы считали, что речь идет прежде всего об асимметрии. Мы также показали, что тележурналист может строить свою институциональную роль иначе, чем его западные коллеги.

Участники российской телевизионной программы ведут себя немного по-другому, чем их коллеги на Западе. Ведущий может ориентироваться на интервьюируемого, на своего собеседника, как на представителя публики, хотя он не отклоняется от формально требуемого от него употребления языка (обращение на «вы», четкое формулирование языкового действия), но с другой стороны, он показывает с помощью других средств, что понимает ситуацию и хочет выразить свое сочувствие. В частности, минимальные ответы снижают формальность, создают интимность и близость.

Минимальные ответы представляют собой достояние ведущего. Ведущий произносит первый элемент, а интервьюируемый – второй. После второго элемента существует опять смена ведущего, и в этом месте он может произнести минимальные ответы разного рода. По-другому можно сказать, что если «задаешь вопросы, имеешь и право на минимальные ответы». С помощью частицы «ах» выражается больше удивления, чем частицами «угу» и «ага». Частица «угу» больше всего служит знаком того, что ведущий поддерживает разговор, и дает место для интервьюируемому, а «ага» можно определить как знак того, что интервьюер понимает слова интервьюируемого.

У разных участников имеются разные средства выражения своей роли. Минимальные ответы входят в арсенал средств тележурналиста. У интервьюируемого имеется возможность выразить несогласие разными языковыми средствами. Некоторые из них представляют собой очень вежливые варианты, хотя выражение разногласий с точки зрения преференциальной организации может являться непредпочтительным. Обычно разногласия выражаются с помощью конструкции «вы знаете» с восходящей интонацией. Разногласия такого рода необязательно сильные, и интервьюируемый хочет обратить внимание на те факторы, которых ведущий не принял во внимание, и таким образом сотрудничать с ведущим. Иногда разногласия выражаются прямым отказом, который представляет собой быстрый способ реагирования.

Ведущий может выражать разногласия с помощью смен третьей позиции или интервенций. Внутри реплики он может либо ускорять, либо замедлять темп речи, чтобы показать, что ему хочется получить ответ иного рода. Как можно предполагать, смены третьей позиции и интервенции могут казаться невежливыми вариантами, но это не вся истина, потому что интервенции могут совершаться очень вежливо, даже с помощью просьб о прощении. Сотрудничество видно здесь и в том, что интервьюируемый обычно принимает тот факт, что интервьюер имеет право прервать реплику. Можно также считать частью профессионального мастерства, насколько хорошо и умело ведущий умеет принимать во внимание личности разных

интервьюируемых, чтобы не оскорбить их. С другой стороны, речь идет также о том, что вежливое поведение и умение слушать и читать мысли собеседника представляют собой двусторонний процесс. Если ведущий оскорбляет гостя, он также наносит ущерб самому себе. Имидж ведущего может сформироваться как очень неприятный.

Агенда телевизионного разговора и программы – интересный предмет исследования, поскольку его довольно легко наблюдать в разных программах. Разговоры формируются по-разному, но имеют и много общего, например, начало, конец и вопросно-ответные секвенции. Агенда лежит в руках ведущего, о ней ведущий и другие участники говорят с помощью метакоммуникации, которая становится частью совместной деятельности. Участие интервьюируемого может вызывать опасность, если он многословно говорит о делах или показывает свое знание характера программы. Ведущий имеет тогда возможность перебивать гостя. Иногда эти прерывания выглядят вежливо, иногда очень грубо. Важна также асимметрия взаимодействия, для ведущего ситуация знакомая, а для интервьюируемого, может быть, единственная в своем роде, неповторимая.

С одной стороны, речь идет о том, что интервьюируемый ориентируется на норму (в телевизионной программе должны быть гости, и их надо интервьюировать), но с другой стороны, эти комментарии представляются знаком опасности, вызванной неспециалистом, потому что они раскрывают, что существует предварительный план, агенда. Таким образом, разговор между участниками программы не является свободным и формируемым «здесь и теперь». Можно также считать, что речь идет о сотрудничестве, поскольку интервьюируемый показывает, что хочет сотрудничать, и даже облегчает работу ведущего.

Личность журналиста оказывает большое влияние на выбор коммуникативных средств. Можно считать, что русским гостям, приглашенным в студию, допускается больше возможностей формировать свои телевизионно-институциональные роли. Они могут, например, «охотиться» за участием публики, привлекая ее внимание, хотя это часто считается достоянием ведущего. Ведущие, в свою очередь, имеют много возможностей провести программу, формируя свою роль. Но, с одной стороны, для всех очевидно, кто из участников играет какую роль, а с другой стороны, надо подчеркнуть, что ведущий может возвращать разговор к агенде довольно быстро, если думает, что гость слишком много болтает или не отвечает на вопрос. Специалистам обеспечивается возможность высказаться в спокойной обстановке, и они имеют право обращаться к интервьюируемым, хотя между ними нет непосредственного взаимодействия, поскольку специалисты могут не присутствовать в студии. В общем, можно сказать, что русские участники телевизионной программы хорошо справляются с ситуацией в обстановке неуверенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследовательская литература

- КАЗАКОВА 2006: Казакова, Е.А. Тактики ведения диалога в режиме телевизионной передачи. *Коммуникативные исследования*. Научный редактор И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 67–71.
- КИБРИК & ПОДЛЕССКАЯ 2003: Кибрик, А.А. & Подлесская, В.И. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования. *Научно-техническая информация*. Серия 2: 6, 5–12.

- КРИВЕНКО 1995: Кривенко, Б.В. Так говорят на телевидении. *Русская речь* 1995, 1, 65–72.
- ЛАПТЕВА 1999 [1990]: Лаптева, О.А. *Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте*. Изд. 2-3. М.: УРСС.
- ЛАРИНА 2006: Ларина, Т.В. Снижение формальности как одна из современных тенденций в коммуникации. *Изменения в языке и коммуникации: XXI век*. Под ред. М.А. Кронгауза. М.: РГГУ, 193–208.
- ПОПОВА 2002: Попова, Т.И. *Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- ATKINSON 1984: Atkinson, M.A. Public speaking and audience responses: some techniques for inviting applause. *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Ed. by J. Maxwell Atkinson & John Heritage. Cambridge: Cambridge University Press. 1984, 370–409.
- BERG 2001: Berg, M. Vallan vahtikoira haukkuu mutta ei pure. Poliitikkoa syyllistävät toimittajan kysymykset televisiokeskustelussa. *Institutionaalinen vuorovaikutus: Keskustelunanalyttisiä tutkimuksia*. Ed. by Johanna Ruusuvoori, Markku Haakana & Liisa Raevaara. Helsinki: Finnish Literature Society, 121–137.
- BERG 2003: Berg, M. *Syytöksiä ja epäilyksiä: Toimittajan ja poliitikon vuorovaikutuksesta televisiokeskustelussa*. Doctoral thesis. The Department of Finnish language and literature at the University of Helsinki. Helsinki: Finnish Literature Society.
- DREW & HERITAGE 1992: Drew, P., Heritage J. Analyzing talk at work: an introduction. *Talk at work. Interaction in institutional settings*. Ed. by Paul Drew & John Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 3–65.
- GOFFMAN 1981: Goffman, E. *Forms of talk*. Oxford: Basil Blackwell.
- GOODWIN & HERITAGE 1990: Goodwin, C., Heritage, J. Conversation analysis. *Annual Review of Anthropology* 19, 1990, 283–307.
- HAKULINEN 1998a [1997]: Hakulinen, A. Johdanto. *Keskustelunanalyysin perusteet*. 2nd edition. Ed. by Liisa Tainio. Tampere: Vastapaino, 13–17.
- HAKULINEN 1998b [1997]: Hakulinen, A. Vuorottelujäsennys. *Keskustelunanalyysin perusteet*. 2nd edition. Ed. by Liisa Tainio. Tampere: Vastapaino, 32–55.
- HERITAGE 1996: Heritage, J. *Harold Garfinkel ja etnometodologia*. Helsinki: Gaudeamus. (J. Heritage. Garfinkel and ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984.)
- KAJANNE 2001a: Kajanne, M. Maallikot televisiokeskustelun osallistujina. *Institutionaalinen vuorovaikutus: Keskustelunanalyttisiä tutkimuksia*. Ed. by Johanna Ruusuvoori, Markku Haakana & Liisa Raevaara. Helsinki: Finnish Literature Society, 138–158.
- KAJANNE 2001b: Kajanne, M. *Kansalaiset kysyjinä. Yleisön kysyminen osana vuorovaikutusta television EU-keskusteluissa*. Doctoral thesis. The Department of Finnish language and literature at the University of Helsinki. Helsinki: Finnish Literature Society.
- NUOLIJÄRVI & TIITTULA 2000: Nuolijärvi, P. & Tiittula, L. *Televisiokeskustelun näyttämöllä. Televisioinstitutionaalisuus suomalaisessa ja saksalaisessa televisiokulttuurissa*. Helsinki: Finnish Literature Society.
- PERÄKYLÄ 1998 [1997]: Peräkylä, A. Institutionaalinen keskustelu. *Keskustelunanalyysin perusteet*. 2nd edition. Ed. by Liisa Tainio. Tampere: Vastapaino, 177–203.
- POMERANTZ 1984: Pomerantz, A. Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/dispreferred turn shapes. *Structures of Social Action: Studies in*

- Conversation Analysis*. Ed. by J. Maxwell Atkinson & John Heritage. Cambridge: Cambridge University Press. 1984, 57–101.
- RAEVAARA ET AL. 2001: Raevaara, L., Ruusuvuori, J., Haakana, M. Institutionaalinen vuorovaikutus ja sen tutkiminen. *Institutionaalinen vuorovaikutus: Keskustelunanalyttisiä tutkimuksia*. Ed. by Johanna Ruusuvuori, Markku Haakana & Liisa Raevaara. Helsinki: Finnish Literature Society, 11–38.
- SACKS ET AL. 1974: Sacks, H., Schegloff, E.A., Jefferson, G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation. *Language* (50) 1974, 4, 696–735.
- SEPPÄNEN 1998 [1997]: Seppänen, E.L. Osallistumiskehikko. *Keskustelunanalyysin perusteet*. 2nd edition. Ed. by Liisa Tainio. Tampere: Vastapaino, 156–176.

Словари

- БТС = Кузнецов, С.А.. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1998.
- ССРЯ = Александровна, З.А.. *Словарь синонимов русского языка: Практический справочник*. Изд. 7-е, стер. М.: Русский язык, 1993.
- VSS = Kuusinen, Martti, Ollikainen, Veera, Syrjäläinen, Julia. *Venäjä—suomi-suursanakirja*. Ed by. M. Kuusinen. Porvoo etc.: WSOY & Russki jazyk, 1997. (Куусинен, М.Э., Оллыкайнен, В.М., Сюръяляйнен, Ю.Э. *Большой русско-финский словарь*. Под ред. М.Э. Куусинена. Порвоо и т.д.: АО Вернер Сёдерстрём & Русский язык, 1997.)